

Иван Иванович Лажечников

Некоторые поверья Мордвы

Некоторые поверья Мордвы — этнографическая статья (1869)

Лажечников И. И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 1. М.: Можайск — Терра, 1994.

Содержание

I Проводы шайтана	0004
II Поминки	0007

Иван Иванович Лажечников

Некоторые поверья Мордвы

I

Проводы шайтана

Вечер. Солнце догорает уже на вершине снежного кургана и бросает тусклые лучи на белый саван полей, как потухающая лампада светит на бледное лицо мертвеца; наконец таинственные сумерки наступают. Все тихо в деревне и за деревней; лишь скрип от шагов запоздалого путника далеко отзывается, и родник упрямый, которого морозы не могли сковать, говорит в долине. Это накануне Крещения, в день провода шайтана. Хозяева домов в боязливом молчании ходят по клетям и сараям, устроенным так, чтобы выход из одного отделения в другое был свободен; осматривают, не запнулся бы обо что страшный гость и был ли он доволен яствами, ему в разных местах предложенными. Ворота везде отворены. Пора гостю со двора: надо знать и честь. Нечистый на святках довольно погулял, попил и поел; даже в час, когда зоркий петух не мог его подметить, целовал сонных пригожих мордочек (у одной из них оста-

лось и красное пятно на щеке). Он чует величие и святость завтрашнего дня и спешит удалиться в бор дремучий. Там, в глухую полночь, аукает он, когда мордвин приходит красть чужие дрова; иногда бегаёт огоньком и рассыпается по болотам или кричит совой на кладбище, ломая кости недоброго покойника. Час настал; проводы не по приему. Все приходит в движение; бьют тревогу. Таково ужасное волнение в царстве пчел, когда они потеряли матку; так, у нас, на Руси, в годину великую, православные хлынули из сел своих на гибель супостата; женщины, девки, парни, малые и большие, все в праздничном одеянии, вооружаются кочергами, помелами, вилами, чем ни попало, летом вспрыгивают на коней и, ударяя в сковороды, с ужасным криком: «Шайтан! Шайтан!», несутся во весь дух по большой улице, как бы гоняясь за предметом убегающим. В это время лысый месяц, как лукавый леший, выглядывает из-за облаков и освещает движущуюся картину. Блестят, как чешуйчатые латы всадника, нагрудники у девок, унизанные серебряной монетой; развеваются по ветру ленты и лоскуты

разноцветные. Кажется, кровью облита одежда их, вышитая по плечам и спине красной шерстью. Крик, гул и топот отзываются в долине. Старики, чинно стоя у ворот своего дома, любят скачущей толпой и, чувствуя, как вместе с ней расходилась кровь их, вспоминают года, давно прошедшие. Выпроводив гостя за околицу, конница возвращается рядами, со знаменами из разноцветных платков, с торжественными песнями. Мальчики и девочки, бежавшие за конными, чтобы принять участие в проводе шайтана, спешат без оглядки в селения, боясь, чтобы нечистый, оборотясь, не захватил кого из них в кабалу к себе. Рои кипят, и шумят, и гогочут; но скоро голоса становятся реже и реже, наконец, совсем замирают. Ворота заскрипели. Все умолкает святой тишиной...

II Поминки

Ждут гостя в деревню. Толпы народные движутся в нетерпении. Наконец, со стороны кладбища является он, верхом, нахлобучив шляпу на глаза. Тихо и недалеко проезжает он раз по улице, в другой раз рысью далее, в третий еще дальше во всю прыть. У крыльца одного дома хозяин, жена, сноха бросаются с криком на приезжего, останавливают лошадь за поводья, хватают его самого и в радостном торжестве вводят в дом.

Садится таинственный гость на большом месте, под святыми иконами, не скидая шляпы. Перед ним стол; накрытый скатертью браной, отягощенный различными яствами и стеклом с играющим пенником. Он не касается яств лакомых, не пьет радости из чары круговой. Около него, на скамьях, сидят друзья, родные, собеседники. Он не заведет с ними разговора. Молодая женщина, небрежно повязанная платком, не смея на него взглянуть, стоит у дверей и горько рыдает. На него бояз-

ливо указывает мальчик, лет четырех, качая в люльке плачущего младенца, и приговаривает: «Нишни! Вот тебе даст тятя!» Старушка, всплеснув руками и опершись на них подбородком, вперила слезящиеся очи на таинственного пришельца. Кажется, они хотят высказать: «Гость наш желанный, где ты был так долго? Молви нам хоть одно слово ласковое, приветливое». Но гость молчит... Не разрешатся уста его, связанные печатью свинцовой.

Кто же этот гость неразгаданный? Покойник — с того света. Уж недель шесть, как простились с ним мать, жена, брат и дети; уже шесть недель, как спеленали его в саван белый, заколотили в домовище и зарыли глубоко в мать-сыру землю; но он в урочный час разорвал оковы тесовые, разрыл землю, его тяготившую, и приехал погулять по белому свету, подышать свежим воздухом, посидеть с родными и друзьями и потом проститься с ними уже прощанием вечным. Только через шесть недель после смерти, и то не более дня, дозволено покойнику приходить в здешний мир в телесной одежде; с закатом солнца он

сбрасывает ее навсегда и после того не иначе может явиться в этот мир, как в виде бесплотных: домового, лешего, привидения и так далее.

Пируют собеседники. Красноречивое поминовение перелетает из уст в уста, как переходит из рук в руки чаша круговая. Между тем с того света невидимо слетают и бесплотные гости. Хозяева говорят им: «Подите, кушайте. Пейте, не пеняйте на нас, не судите нас; потчуйте друг друга сами; мы всех не знаем, сколько вас там; мы не сумеем вам угодить: угодите сами себе». И каждый из телесных гостей, потчuya духов, ест и пьет за двоих — за себя и за мертвого. Таким образом, часы летят в шумном пировании. А он сидит все на одном месте, неподвижен и молчалив. Но вот солнце, вестник надземной жизни, готово упасть в волны озера. Покойник движется. Он вынимает из-за пазухи серьги, платок, ленту, пряники; одаривает ими жену, мать, брата и детей. Он встает с места; за ним все собеседники. Родные затянули жалобную песнь. Двое из них берут его под руки и ведут из дома. «Поклонись брату!» — кричит одна.

«Снеси муженьку мой поклон!» — говорит другая. «И от нас, и от нас!..» — кричат несколько голосов. Покойник всем откланивается и по разостланной соломе медленно, как бы неохотно расставаясь с здешним светом, тащится по улице до конца деревни. Тут он исчезает...

Родственники, друзья, знакомые проводили его. На обратном пути они находят на той же соломе, в разных местах, блины, пироги, свинину, — следы услужливой любви покойного, оплачивающего им своим угощением. Садятся на землю. Пир снова начинается в память доброго покойника, с которым только что расстались. Скоро кушанья исчезают, кроме заветного пирога, который одна из старух несет к последнему дому, кладет его под забор и опрометью оттуда прибегает; а народ кричит: «Скорей, скорей! Поймает! Ай, поймал!» День печали кончается, как проходил, в веселье. Все расходятся по домам, напевая:

*А тетя не мексте рямада,
Мерксть еделд рямада
Старики велели нам жить
И детей кормить.*

Таковы поминки у мордвы. Едва я не забыл сказать, что роль покойника играет один из ближайших его родственников.